

Оттуда придет судить живых и мертвых.

Катехизис

Часть I

Глава 1

Ровер уперся взглядом в покрытый белой краской каменный пол одиннадцатиметровой тюремной камеры и слегка прикусил губу золотым зубом на нижней челюсти. Он добрался до трудной части своей исповеди. Единственным звуком, нарушавшим тишину в камере, было поскребывание его ногтей по вытатуированной на руке Мадонне. Парень, сидевший скрестив ноги на нарах напротив него, не проронил ни слова с того момента, как Ровер вошел в камеру. Он только улыбался умиротворенной улыбкой Будды, пристально глядя в одну точку на лбу Ровера. Его звали Сонни, и о нем говорили, что, будучи подростком, он замочил двоих, что его отец был продажным полицейским и что он обладает особыми способностями. Трудно сказать, слушал ли он Ровера, — его зеленые глаза и большая часть лица были скрыты грязными длинными волосами, — но это не важно. Ровер просто хотел получить отпущение грехов и благословение, чтобы завтра выйти из ворот Государственной тюрьмы строгого режима с чувством очищения. Не то чтобы Ровер был религиозным. Но ведь неплохо, если человек искренне планирует изменить ход

вещей и попробовать зажить порядочной жизнью. Ровер вздохнул:

— Думаю, она была белорусской. Минск ведь в Белоруссии, да?

Ровер поднял глаза, но парень не ответил.

— Нестор называл ее Минск, — сказал Ровер. — И велел мне ее застрелить.

Когда исповедуешься человеку с настолько раздолбаным мозгом, у тебя есть большое преимущество: в его памяти не откладываются ни имена, ни события, ты будто разговариваешь сам с собой. Возможно, именно поэтому заключенные Гостюрмы предпочитали исповедоваться этому парню, а не священнику или психологу.

— Она и восемь других девчонок сидели в клетке у Нестора в Энерхауге. Из Восточной Европы и Азии. Маленькие. Подростки. По крайней мере, надеюсь, что это так. А Минск была постарше. Сильнее. Она смогла сбежать. И успела добраться до парка Тёйен, прежде чем собака Нестора ее схватила. Такой аргентинский дог, знаешь?

Взгляд парня не сдвинулся ни на сантиметр, но он поднял руку, нащупал бороду и стал перебирать ее пальцами. Рукав большой грязной рубашки задрался и обнажил струпья и следы укулов. Ровер продолжил:

— Здоровенные отвратные суки-альбиносы. Убивают все, на что укажет хозяин. И кое-что из того, на что он не указывает. Они запрещены в Норвегии, ясен пень. Их импортирует из Чехии один клуб собаководства в Рэлингене и регистрирует как белых боксеров. Мы с Нестором поехали туда и купили эту суку, когда она еще была щенком. Больше пятидесяти кусков наличкой. Но она была такой милой, что совершенно невозможно представить, как она...

Ровер резко замолчал. Он знал, что рассказывает о собаке только для того, чтобы отсрочить ту историю, ради которой пришел сюда.

— В любом случае...

В любом случае. Ровер посмотрел на татуировку на другой руке. Церковь с двумя шпилями. По одному за каждую ходку. Никому *в любом случае* не было до этого дела. Он доставлял контрабандное оружие в байкерский клуб и в своей мастерской немало подправлял его. Уж это он умел. Очень даже хорошо умел. Настолько хорошо, что не мог больше оставаться невидимкой, и его взяли. *В любом случае* он был настолько хорош, что после первой ходки Нестор его пригрел. Или отморозил. Купил его с потрохами, чтобы самое лучшее оружие было у людей Нестора, а не у байкеров или других конкурентов. За несколько месяцев работы Нестор заплатил ему столько, сколько Ровер в своей маленькой байкерской мастерской не заработал бы за всю жизнь. Но взамен Нестор требовал многого. Слишком многого.

— Она лежала среди деревьев, обливаясь кровью. Лежала тихо и только смотрела на нас. Собака откусила ей полщеки, сквозь рану были видны зубы...

Ровер страдальчески поморщился. Он добрался до сути.

— Нестор сказал нам, что настало время показательного наказания, что пора продемонстрировать другим девчонкам, чем они рискуют. А Минск в любом случае теперь бесполезна, ведь ее лицо... — Ровер слотнул. — И он велел мне сделать это. Закончить. Я доказал бы тем самым свою лояльность, вот. У меня с собой был старый пистолет «Ругер МК2», немного подправленный. И я хотел это сделать. Правда хотел. Не то чтобы...

У Ровера встал комок в горле. Сколько раз он думал об этом, перебирал в памяти секунды той ночи в парке Тейен, прокручивал в голове эпизод с девчонкой, в котором они с Нестором выступали в качестве главных героев, а все остальные, даже притихшая сука, — в роли молчаливых свидетелей? Сто раз? Тысячу? И все же только сейчас, когда Ровер впервые заговорил об этом вслух, до него дошло, что все это не было сном, что это случилось на самом деле. Или, точнее, его тело только сейчас это ощутило и попыталось вывернуть желудок наизнанку. Ровер стал глубоко дышать носом, чтобы подавить рвоту.

— Однако я не смог. Хотя и знал, что ей в любом случае придется умереть. Они держали собаку наготове, а я подумал, что в такой ситуации сам предпочел бы пулю. Но курок, казалось, намертво прирос к пистолету. Я просто-напросто не смог на него нажать.

Парень едва заметно кивал — то ли в ответ на рассказ Ровера, то ли в такт музыке, слышной ему одному.

— Нестор сказал, что мы не можем ждать до окончания века, мы же все-таки находились посреди общественного парка. И он достал из ножен на ноге маленький кривой нож, шагнул вперед, схватил девушку за волосы, приподнял ей голову и махнул ножом у горла. Будто рыбу потрошил. Из горла три-четыре раза брызнул фонтан крови — и все, она вся вылилась. Но знаешь, что я запомнил лучше всего? Собаку. Как она завывала, увидев струю крови.

Ровер наклонился вперед, уперев локти в колени, прикрыл уши ладонями и стал раскачиваться взад-вперед на стуле.

— А я ничего не сделал. Просто стоял и смотрел. Ни черта не сделал. Просто смотрел, как они замо-

тали ее в одеяло и понесли в машину. Мы отвезли ее в лес, в Эстермарксетра, выгрузили и сбросили вниз по склону на озере Ульсрудваннет. Там многие гуляют с собаками, так что ее нашли уже на следующий день. Дело в том, что Нестор хотел, чтобы ее нашли, понимаешь? Хотел, чтобы в газетах появились фотографии, на которых видно, что с ней сделали, и он смог бы показать их другим девчонкам.

Ровер отнял руки от ушей.

— Я перестал спать, потому что стоило мне заснуть, и я видел кошмары: девочку без щеки, которая улыбалась мне разорванным ртом. И я пошел к Нестору и сказал, что должен выйти из игры. Сказал, что больше не буду подправлять «узи» и «глоки», что хочу чинить мотоциклы. Хочу жить мирно и не думать постоянно о легавых. Нестор согласился отпустить меня, понял, что во мне не так уж много плохого парня. Но он в подробностях объяснил, что меня ждет, если я начну болтать. Я все понял и стал вести нормальную жизнь. Отказывался от всех предложений, хотя у меня еще оставалось несколько отличных «узи». Но у меня постоянно было ощущение, что еще ничего не кончилось, понимаешь? Что меня должны пришить. Можно сказать, я почувствовал облегчение, когда меня схватили легавые и заперли в безопасную клетку. Взяли по старому делу, в котором я был всего лишь соучастником: они арестовали двух парней, и те показали, что оружием их снабдил именно я. Я тут же сознался.

Ровер глухо засмеялся, потом закашлялся и снова наклонился вперед:

— Я выйду отсюда через восемнадцать часов. Я, черт возьми, не знаю, что меня ждет. Знаю только, что Нестору известно о моем выходе, хотя меня выпускают на четыре недели раньше срока.

Ему известно обо всем, что происходит здесь и в полиции. У них везде свои люди, это я успел узнать. И вот я думаю: если бы он хотел прихлопнуть меня, то мог бы сделать это здесь, а не ждать, когда я выйду на свободу. А ты как думаешь?

Ровер ждал. Стояла тишина. Создавалось ощущение, что у парня в голове нет вообще никаких мыслей.

— В любом случае, — сказал Ровер, — небольшое благословение мне не повредит, понимаешь?

Когда он произнес слово «благословение», в глазах сидящего напротив что-то вспыхнуло, он поднял правую руку и подал знак Роверу подойти ближе и опуститься на колени на маленьком коврик перед нарами. Франк больше никому из заключенных не позволял класть коврики на пол. Это было одним из принципов швейцарской модели, которой пользовались в Гостюрье: никаких лишних вещей в камерах. В камере могло быть не больше двадцати вещей. Если хочешь иметь пару обуви, отдай пару брюк или две книги, к примеру. Ровер поднял взгляд на лицо Сонни. Тот смочил сухие, потрескавшиеся губы кончиком языка. Голос его оказался на удивление высоким, и, хотя говорил он медленно и почти шепотом, дикция была вполне четкой:

— Все земные и небесные боги смилятся над тобой и простят тебе твои прегрешения. Ты умрешь, но душа прощенного грешника вознесется в рай. Аминь.

Ровер склонил голову. Он почувствовал, как на его гладко выбритую макушку опустилась левая рука благословляющего. Парень был левшой, и в его случае необязательно было прибегать к статистике, чтобы понять, что ожидаемая продолжительность его жизни меньше, чем у правой. Передоз мог случиться завтра или через десять лет, одному богу

ведомо когда. Поговаривали, что левая рука парня способна исцелять, но Ровер в это не верил, как не верил и в благословение. Так почему же он сидит здесь?

Н-да. С религией так же, как со страховкой от пожара: ты не думаешь всерьез, что она тебе пригодится, но если люди утверждают, что парень может взять на себя твои страдания, то почему бы не согласиться и не облегчить душу?

Но еще больше Ровера интересовало, как могло случиться, что такой парень совершил хладнокровное убийство. Что-то не сходилось. А может, правы те, кто утверждает, что дьявол приходит в роскошных одеждах.

— Салям алейкум, — раздался голос, и рука исчезла с его макушки.

Ровер продолжал сидеть, склонив голову. Кончиком языка он ощупывал гладкую поверхность золотого зуба. Готов ли он теперь? Готов ли встретиться со своим создателем, если именно это его ожидает? Он поднял голову.

— Я знаю, что ты никогда не просишь плату, но...

Его взгляд упал на обнаженную ступню поджатой ноги Сонни. На большой вене на подъеме стопы виднелись следы уколов.

— В прошлый раз я сидел в Бутсене, и там всем удавалось доставать дурь, по problem¹. Но Бутсен — это не тюрьма строгого режима. Говорят, Франк снова перекрыл здесь все каналы. Однако... — Ровер засунул руку в карман, — это не совсем так.

Он вынул предмет размером с мобильный телефон — позолоченную штучку, похожую на микропистолет, — и нажал на крошечный курок. Из ствола вылетело маленькое пламя.

1 Никаких проблем (англ.).

— Видел такое раньше? Да видел, конечно. Во всяком случае, надзиратели, обыскивавшие меня при поступлении, видели. Они сказали, что приторговывают дешевыми контрабандными сигаретами, если мне это интересно, и разрешили оставить себе зажигалку. Они, наверное, плохо изучили мою биографию. Разве не удивительно, что эта страна все еще функционирует, несмотря на то что люди постоянно халтурят?

Ровер взвесил зажигалку на ладони.

— Восемь лет назад я сделал ее в двух экземплярах. Не думаю, что преувеличу, сказав, что никто в этой стране не смог бы справиться с задачей лучше. Я получил заказ через посредника. Он сказал, что заказчик хочет иметь стрелковое оружие, которое не надо было бы прятать, которое было бы не похоже на оружие. И я сделал вот это. Люди странно мыслят. Первое, что приходит им в голову при виде этого предмета: «Пистолет!» Но как только ты покажешь им, что его можно использовать в качестве зажигалки, они начисто забывают первую мысль. Они не удивятся, если ты скажешь, что этот предмет можно использовать как зубную щетку или отвертку. Но не поверят, что это пистолет. Ну что же...

Ровер повернул винт на нижней части рукоятки.

— В него помещаются две девятимиллиметровые пули. Я назвал его «убийцей жен». — Ровер направил ствол на парня. — Одна тебе, дорогая... — Потом он приставил дуло к своему виску. — И одна мне.

Смех Ровера в маленькой камере прозвучал на удивление одиноко.

— Вот так. На самом деле я должен был изготовить только один экземпляр: заказчик не хотел, чтобы другие были посвящены в тайну этого изобретения. Но я сделал еще один. И прихватил его

сюда на случай, если Нестор попробует подослать ко мне кого-то. Завтра я выхожу на свободу, и он мне больше не нужен, так что теперь он твой. А здесь...

Из другого кармана Ровер вынул пачку сигарет.

— Подозрительно, если у тебя не будет сигарет, верно? — Он снял обертку с верхней части пачки, открыл ее и вложил внутрь позолоченную визитку «Мотоциклетной мастерской Ровера». — Теперь у тебя есть мой адрес, если потребуются отремонтировать мотоцикл. Или добыть дьявольски хороший «узи». Я уже говорил, у меня осталось...

Дверь в камеру открылась, и громкий голос произнес:

— На выход, Ровер!

Ровер обернулся. Пояс брюк надзирателя, появившегося в дверном проеме, отвис под тяжестью огромной связки ключей. Частично ее скрывал живот, вываливающийся из брюк как поднявшееся тесто.

— К вашему святейшеству тут посетитель. Можно даже сказать, близкий родственник. — Он заржал и повернулся к человеку, стоявшему за дверью: — Выдержишь, Пер, или как?

Ровер засунул пистолет и сигареты под матрац на нарах Сонни, поднялся и в последний раз посмотрел на него. А потом быстро вышел.

Тюремный священник поправил новый белый воротничок, который никогда не сидел так, как надо. «Близкий родственник. Выдержишь, Пер, или как?» Больше всего ему хотелось плюнуть в ржущую сытую рожу надзирателя. Вместо этого он дружелюбно кивнул вышедшему из камеры заключенному, сделав вид, что узнал его. Он разглядел татуировки на его руках: Мадонна и церковь. Но нет, за все эти годы перед ним прошло столько лиц

и татуировок, что он не мог отличить их друг от друга.

Священник вошел внутрь. В камере пахло благовониями. Во всяком случае, запах был похож на благовония. Или на подгоревший наркотик.

— Здравствуй, Сонни.

Молодой человек на нарах не поднял глаз, только медленно кивнул. Пер Воллан посчитал, что это должно означать: его заметили и приняли. Приняли.

Он опустился на стул и почувствовал определенное неудобство, ощутив тепло человека, сидевшего на этом месте до него. Принесенную с собой Библию он положил на нары рядом с заключенным.

— Сегодня я возложил цветы на могилу твоих родителей, — произнес он. — Я знаю, ты меня об этом не просил, но...

Перу Воллану не удавалось поймать взгляд молодого человека. У него самого было два сына, оба уже взрослые, оба съехали из дома. Впрочем, как и он сам. Разница заключалась в том, что их в любой момент с радостью приняли бы обратно. В протоколе судебного заседания имелись показания одного из свидетелей защиты, школьного учителя, который рассказал, что Сонни был примерным учеником и талантливым спортсменом-борцом. Его любили, он всегда был готов прийти на помощь и даже говорил, что планирует стать полицейским, как и его отец. Но в школе не видели Сонни с того самого дня, когда его отца нашли мертвым с прощальным письмом самоубийцы, где он признавался в коррупции. Священник попытался представить, какой стыд испытывал в это время пятнадцатилетний подросток и какой стыд испытают его сыновья, если когда-нибудь узнают, что сделал их отец. Он поправил воротничок.

— Спасибо, — сказал парень.

Священник подумал, как молодо тот выглядит, ведь ему должно быть уже около тридцати. Да. Он отсидел здесь двенадцать лет, а в тюрьму попал в восемнадцать. Возможно, наркотики мумифицировали его и не давали стареть, у него только отрастали волосы и борода, а неизменно невинные глаза продолжали с удивлением взирать на мир. На злой мир. Господь знает, что этот мир полон зла. Пер Воллан прослужил тюремным священником больше сорока лет и видел, что количество зла в мире постоянно увеличивается. Зло было подобно раковой клетке, которая делает здоровые клетки больными, кусает их, как вампир, и заставляет продолжать цепную реакцию. И никто из укушенных не спасется. Никто.

— Как твои дела, Сонни? Как прошел отпуск? Вы видели море?

Ответа не последовало.

Пер Воллан прокашлялся:

— Надзиратель говорит, что вы видели море. Возможно, ты читал в газетах, что на следующий день после вашей поездки недалеко от того места, где вы были, обнаружен труп женщины. Ее нашли в кровати в собственном доме. Ее голова была... да. Все подробности здесь... — Он ткнул указательным пальцем в Библию. — Надзиратель уже подал рапорт о том, что ты сбежал от него, когда вы были у моря, и что он нашел тебя час спустя у дороги. И что ты не хотел говорить, где был. Важно, чтобы ты не сказал ничего, что могло бы вступить в противоречие с его рапортом, понятно? Как всегда, говори поменьше. Хорошо, Сонни?

Наконец Пер Воллан поймал взгляд парня. Этот взгляд почти ничего не сказал о том, что происходит в его голове, но священник был совершенно

уверен, что Сонни Лофтхус выполнит инструкции. Он не скажет ничего лишнего ни следователям, ни прокурору. Просто ответит своим высоким мягким голосом «да» на вопрос, признает ли он свою вину. Потому что, как бы парадоксально это ни звучало, Воллан иногда замечал сосредоточенность, волю, инстинкт выживания, отличавшие этого наркомана от других, постоянно плывущих по течению, не имеющих никаких планов, неуклонно движущихся к концу. Эта воля могла проступить во внезапно просветлевшем взгляде, в вопросе, свидетельствовавшем о том, что он все время был здесь, все слышал и понимал. Или даже в том, как он внезапно вставал, соблюдая координацию, баланс и гибкость, не присущие другим наркоманам со стажем. Однако в иные моменты, вот как сейчас, невозможно было сказать, понимает ли он хоть что-нибудь.

Воллан заерзал на стуле:

— Конечно, это означает, что несколько лет у тебя не будет новых отпусков. Но ведь тебе и так не нравится жизнь за стенами тюрьмы, правда? А теперь ты и море увидел.

— Не море, а реку. Это был муж?

Священник вздрогнул, как бывает, когда черная поверхность воды перед тобой внезапно начинает волноваться.

— Не знаю. Тебе это важно?

Ответа не последовало. Воллан вздохнул. К горлу снова подступила тошнота. Она постоянно приходила и уходила. Наверное, надо записаться к врачу и обследовать свое тело.

— Не думай об этом, Сонни. Важнее всего то, что на воле таким, как ты, целый день надо охотиться, чтобы раздобыть себе дозу. А здесь он позаботится обо всем. И помни, что время идет. Когда срок давности по предыдущим убийствам пройдет, ты не

будешь представлять для них никакой ценности. А с этим убийством ты продлишь себе жизнь.

— Это был муж. Он богатый?

Воллан указал на Библию:

— Там описание дома, в который ты залез. Большой дом с разными наворотами. Но сигнализация, призванная охранять богатства, не была включена, даже дверь была не заперта. Фамилия Морсанд. Судовладелец с повязкой на глазу. Может, видел его в газетах?

— Да.

— Правда? Не думал, что ты...

— Да, я убил ее. Да, я прочитаю, как я это сделал.

Пер Воллан вздохнул:

— Хорошо. На некоторые детали того, как ты это сделал, необходимо обратить внимание.

— Ладно.

— Ей... отрезали верхушку черепа. Ты, вероятно, воспользовался пилой, понимаешь?

После этих слов наступила продолжительная тишина, и Пер Воллан уже начал подумывать, не наполнить ли ее звуками рвоты. Да, лучше блевотина, чем те слова, что вылетали из его рта. Он посмотрел на молодого мужчину. Что за факторы определяют, какой будет жизнь человека? Цепь случайных происшествий, над которыми он не властен, или космическая сила, тянущая жизнь в нужном направлении? Пер Воллан снова подергал новый, на удивление жесткий воротничок рубашки, подавил приступ тошноты, взял себя в руки и подумал о том, что стояло на кону.

Он поднялся:

— Если тебе понадобится связаться со мной, то я пока живу в пансионе на площади Александра Хелланда.

Священник поймал вопросительный взгляд парня.

— Это временно. — Он хихикнул. — Жена выгнала меня из дома, а я знал людей из пансиона, так что...

Он оборвал себя на полуслове. Священник понял, почему столько заключенных приходило к парню, чтобы выговориться. Дело было в тишине. В засасывающем вакууме, окружающем человека, который только слушает, не реагируя и не осуждая. Который, ничего не делая, вытягивает из тебя слова и тайны. Воллан пытался делать то же самое как священник, но заключенные как будто чувяли, что у него есть план. Они не знали какой, но были уверены, что, проникнув в их тайны, он достигнет какой-то цели. Обеспечит доступ к их душам, а потом, возможно, получит за это награду на небесах.

Священник увидел, что парень открыл Библию. Все было до смешного обычно: дырка на месте вырезанных страниц, где лежали свернутые листы с инструкциями, необходимыми для совершения признания. И три маленьких пакетика героина.

Глава 2

Арильд Франк крикнул «войдите!», не отрывая глаз от бумаг.

Он услышал, как открывается дверь. Ина, секретарь из приемной помощника начальника тюрьмы, уже доложила о приходе посетителя, и Арильд Франк на секунду задумался, не сказаться ли занятым. При чем он бы даже не соврал: через полчаса ему предстояла встреча с начальником поли-

ции в Полицейском управлении. Но в последнее время состояние Пера Воллана было не таким стабильным, как всем хотелось бы, и стоило еще раз удостовериться, что он пребывает в душевном равновесии. В этом деле нет места ошибкам.

— Не надо садиться, — сказал помощник начальника тюрьмы, подписал одну из лежащих на столе бумаг и поднялся. — Расскажешь, в чем дело, по дороге.

Он направился к двери, снял с вешалки форменную фуражку и услышал за спиной тяжелые шаги священника. Арильд Франк сообщил Ине, что вернется через два с половиной часа, и приложил указательный палец к сканеру возле двери, ведущей на лестницу. Тюрьма представляла собой двухэтажное здание без лифта. Потому что лифты — это лифтовые шахты, а лифтовые шахты — возможные пути побега во время пожара. А пожар с последующей хаотичной эвакуацией — это лишь один из способов, которые используются для побега умными заключенными. По той же причине все электрические провода, щитки и водопроводные трубы были проложены вне досягаемости заключенных: либо снаружи здания, либо внутри стен. Здесь все было продумано. Арильд Франк продумал все. Он сидел вместе с архитекторами и международными экспертами, когда те проектировали Гостюрьму. Да, прототипом послужила тюрьма в Ленцбурге в швейцарском кантоне Аргау: суперсовременная, но простая, где особое внимание уделяется безопасности и эффективности, а не комфорту. Однако именно он, Арильд Франк, создал Гостюрьму. Гостюрьма была Арильдом Франком, и наоборот. И почему он — всего лишь помощник начальника тюрьмы, а начальником назначили этого бройлера из тюрьмы в Халдене, надо спрашивать у Совета по

найму, черт бы его побрал. Ну и ладно, зато Арильд Франк мог быть крутым и не лизать зад политикам, аплодируя каждой новой светлой идее о том, как надо реформировать тюремную систему, когда еще не завершена предыдущая реформа. Он знал свое дело: держать людей за решеткой и под замком так, чтобы они не болели, не умирали и не становились хуже после пребывания в тюрьме. Он был лоялен по отношению к тем, кто заслуживал его лояльности, и заботился о своих. Даже этого нельзя было сказать о тех, кто сидел выше его в насквозь прогнившей полицейской иерархии. Однажды, еще до того, как его совершенно явно обошли, он даже представил, как после его ухода из тюрьмы в ее фойе установят его бюст, и замечание жены о том, что его торс без шеи, бульдожье лицо и жидкая челка вряд ли подойдут для памятника, его не расстроило. Но если человек не получает по заслугам, он должен сам взять заслуженное, — так он теперь думал.

— Я больше не могу этим заниматься, — произнес Пер Воллан за его спиной, пока они шли по коридору.

— Заниматься чем?

— Я священник. То, что мы делаем с этим мальчишкой... Мы посадим его за то, чего он не совершал! Он будет сидеть вместо мужа, который...

— Тише!

Перед контрольным помещением — Франк любил называть его «мостом» — они увидели пожилого мужчину. Тот на минуту прекратил драить пол и дружелюбно кивнул Франку. Йоханнес был самым старым заключенным, из тех, что нравились Франку: дружелюбный человек, который когда-то в прошлом веке провез контрабандой наркоту. За годы, проведенные здесь, он настолько вжился, обжился и прижился, что боялся только одного — того дня, когда

ему придется покинуть эти стены. Впрочем, такие заключенные не ставили перед Гостюрьмой тех задач, какие она призвана была решать.

— У тебя совесть нечиста, Воллан?

— Да. Да, нечиста, Арильд.

Франк уже и забыл, когда именно коллеги начали называть своих начальников по имени. Или когда начальники тюрьмы начали носить штатское вместо формы. Кое-где даже надзиратели ходили в штатском. Во время беспорядков в тюрьме Франсишку де Мар в Сан-Паулу они напустили слезоточивого газа и постреляли своих, потому что не могли отличить надзирателей от заключенных.

— Я хочу выйти из игры, — пропыхтел священник.

— Ах вот как?

Франк быстро шагал вниз по лестнице. Для человека, которому до пенсии оставалось меньше десяти лет, он находился в хорошей форме. Потому что занимался спортом. Еще одна забытая добродетель в отрасли, где лишний вес был скорее нормой, чем исключением. А разве он не тренировал местную команду пловцов, когда его дочь занималась плаванием? Разве не работал на благо всех даже в свое свободное время, возвращая долги обществу, давшему стольким людям так много? Здесь это не ценилось.

— А что говорит твоя совесть по поводу мальчиков, которых ты домогался, Воллан? У нас есть доказательства.

Франк прижал указательный палец к сенсору у двери в коридор, который в западном направлении вел к камерам, а в восточном — к раздевалке сотрудников и выходу на парковку.

— Мне кажется, ты должен думать о том, что Сонни Лофтхус сидит и за твои грехи, Воллан.

Еще одна дверь, еще один сенсор. Франк приложил к нему указательный палец. Ему нравилось это изобретение, заимствованное из тюрьмы Обихиро в японском городе Кусиро. Отпечатки пальцев всех лиц, имеющих право проходить через эти двери, были зарегистрированы в компьютерной базе. Так был не просто устранен риск ненадлежащего использования ключей (ведь их можно потерять или сделать с них дубликат), но и появилась возможность узнать, кто и когда проходил через какие двери. Конечно, в тюрьме имелись камеры слежения, однако лица можно скрыть. А вот отпечатки пальцев — нет. Дверь с фырканьем открылась, и они вошли в шлюз.

— Я говорю, что больше не вынесу, Арильд.

Франк прижал указательный палец к губам. Кроме камер слежения, охватывавших почти всю территорию тюрьмы, в шлюзы были вмонтированы переговорные устройства. Так что если человек по той или иной причине не имел возможности двигаться дальше, он мог поговорить с контрольным помещением. Они вышли из шлюза и направились к гардеробной, где находились душ и шкафчики для хранения одежды и личных вещей каждого сотрудника. У помощника начальника тюрьмы имелся мастер-ключ, подходивший ко всем шкафчикам, но Франк считал, что эту информацию необязательно доводить до сведения подчиненных, скорее наоборот.

— Мне казалось, ты понял, с кем имеешь дело, — сказал Франк. — Ты не можешь просто все бросить. Для этих людей лояльность — вопрос жизни и смерти.

— Я знаю, — произнес Пер Воллан, и в его тяжелом дыхании прорезался противный скрежет. — Но я говорю о *вечной* жизни и смерти.

Франк остановился у входной двери и бросил взгляд на гардеробные шкафчики с левой стороны, чтобы убедиться, что они одни.

— Ты знаешь, чем рискуешь?

— Я никому не скажу ни слова, и Богу известно, что это правда. Я хочу, чтобы ты передал им это слово в слово, Арильд. Что я буду нем как рыба, что я просто хочу выйти. Ты поможешь мне?

Франк посмотрел вниз, на сенсор. Выйти. На улицу вело всего два выхода: этот черный ход и главный вход в приемную. Никаких вентиляционных шахт, пожарных выходов, канализационных труб диаметром с человека.

— Может быть, — сказал он, прикладывая палец к сенсору.

Маленький красный огонек над дверной щеколдой сигнализировал, что ведется поиск в базе данных. Он погас, и вместо него загорелся зеленый огонек. Франк распахнул дверь. Яркое летнее солнце ослепило его, и, пока они пересекали большую парковку, он достал солнцезащитные очки.

— Я сообщу, — сказал Франк, вытаскивая ключи от машины, и бросил взгляд на будку охраны.

В ней круглосуточно дежурили двое вооруженных охранников, а въезд и выезд были перекрыты стальными шлагбаумами, которые не смог бы снести даже новый «порше-кайен» Арильда Франка. Возможно, с этой задачей справился бы «Хаммер H1», который он на самом деле хотел купить, но «хаммер» был слишком широким, а подъездные пути специально были сделаны узкими, чтобы исключить проезд больших машин. Для защиты от машин в ограду шестиметровой высоты, окружавшую всю территорию, были встроены стальные блоки. Франк подал заявку на получение разрешения пустить по ограде ток, но

строительное управление, конечно, его не дало, поскольку Гостюрьма располагалась в центре Осло и от тока могли пострадать невинные граждане. Не такие уж и невинные, ведь чтобы добраться с улицы до этой ограды, им пришлось бы взять штурмом пятиметровую стену с колючей проволокой.

— А кстати, тебе куда?

— На площадь Александра Хелланда, — с надеждой в голосе сказал Пер Воллан.

— Извини, — ответил Арильд. — Не по пути.

— Ничего страшного, автобусная остановка недалеко.

— Хорошо. Я свяжусь с тобой.

Помощник начальника тюрьмы уселся в машину и подъехал к будке охраны. По инструкции каждую машину следовало остановить и проверить людей, сидящих в ней. Это правило касалось и его машины. Но вот сейчас, когда охранники видели, как он вышел из тюрьмы и сел в свою машину, они сразу подняли шлагбаум и пропустили его. Франк отсалютовал в ответ на их приветствие. Он остановился у светофора перед главной дорогой в ста метрах от ворот. Франк сидел и разглядывал в зеркало свою любимую Гостюрьму. Она была почти совершенной. Почти. То и дело либо строительное управление, либо министерство издавало какое-нибудь идиотское постановление или же чинил препятствия полупродажный Совет по найму. Сам Франк хотел, чтобы было хорошо всем усердно трудящимся честным жителям города, заслужившим безопасную жизнь и определенный материальный комфорт. Так что все могло бы быть по-другому. Но, как обычно говорил он своим ученикам по плаванию: плыви или утони, никто тебе не поможет. Он вернулся мыслями к предстоящему. У него имелось сообщение

для передачи. И не было сомнений в том, чем это закончится.

На светофоре загорелся зеленый свет, и он нажал на газ.

Глава 3

Пер Воллан шел по парку недалеко от площади Александра Хелланда. Июль в этом году был дождливым и на удивление холодным, но сейчас солнце вернулось и освещало яркую зелень парка, словно весной. Лето еще не кончилось, и люди повсюду сидели, подставив лица солнцу и закрыв глаза. Они наслаждались теплом с таким усердием, словно получали его по карточкам. Грохотали скейтборды, булькало пиво — прохожие несли его в упаковках по шесть штук на барбекю в городские парки или на балконы. Но некоторые люди радовались возвращению солнца больше других. Казалось, их насквозь прокоптили выхлопные газы транспорта, двигавшегося по площади. Эти жалкие личности в скрюченных позах сидели на скамейках и вокруг фонтана, но все же приветствовали Пера Воллана хриплыми радостными возгласами, похожими на крики чаек. Он стоял на перекрестке улиц Уэланда и Вальдемара Транеса и ждал, когда на светофоре появится зеленый человечек. Автобусы и грузовые машины проезжали прямо перед его лицом. Фасад здания на противоположной стороне улицы то исчезал с его глаз, то вновь появлялся. И тогда он видел затянутые пленкой окна знаменитого бара «Транен», где с момента постройки дома в 1921 году могли утолить свою жажду наиболее страждущие жители города. Последние тридцать лет они делали

это под аккомпанемент Арни «Скиффл¹ Джо» Норсе в ковбойском костюме, который, сидя на одноколесном велосипеде, играл на гитаре и пел вместе со своим маленьким оркестром, состоящим из пожилого слепого органиста и таитянки с тамбурином и автомобильным гудком. Пер Воллан скользнул взглядом вверх по фасаду, туда, где виднелась выкованная из железа вывеска «Пансион Ила». До войны здесь находился приют для женщин, родивших внебрачных детей. Сегодня городские власти предоставляли жилье в этом доме самым тяжелым наркоманам. Тем, у кого не было ни малейшего желания покончить с этим. Последняя остановка.

Пер Воллан пересек улицу, подошел к входной двери и нажал на звонок, бросив взгляд на камеру наблюдения. В двери что-то зажужжало, и он вошел внутрь. За былые заслуги ему предоставили комнату в пансионе на две недели. И это случилось уже месяц назад.

— Здравствуй, Пер, — сказала молодая кареглазая женщина, спустившаяся вниз, чтобы отпереть ему решетку перед лестницей. Кто-то испортил замок так, что открыть его снаружи не представлялось возможным. — Вообще-то, кафе уже закрылось, но если ты поторопишься, то еще успеешь пообедать.

— Спасибо, Марта, я не голоден.

— Выглядишь усталым.

— Шел пешком от Гостюрьмы.

1 *Скиффл* — тип народной музыки, пение с аккомпанементом, сочетающее элементы английских фолк-куплетов и американского диксиленда. Инструментарий непременно включал гитару, гармонику и стиральную доску в качестве ритм-инструмента. Скиффл был особенно популярен в 1950-х гг. в Англии.

Литературно-художественное издание

Ю Несбё СЫН

Выпускающий редактор П.Шиков

Редактор Е.Гуляева

Технический редактор Л.Синицына

Корректор Т.Филиппова

Компьютерная верстка Т.Коровенковой

В оформлении обложки использована иллюстрация © Porchik/shutterstock.com

ООО “Издательская Группа “Азбука-Аттикус” –
обладатель товарного знака “Издательство Иностранка”
115093, Москва, ул. Павловская, д. 7, эт. 2, пом. III, ком. № 1
Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19
E-mail: sales@atticus-group.ru

Филиал ООО “Издательская Группа “Азбука-Аттикус” в г. Санкт-Петербурге
191123, Санкт-Петербург, Воскресенская набережная, д. 12, лит. А
Тел. (812) 327-04-55
E-mail: trade@azbooka.spb.ru

ЧП “Издательство “Махаон-Украина”
Тел./факс (044) 490-99-01
e-mail: sale@machaon.kiev.ua
www.azbooka.ru; www.atticus-group.ru

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.)

18+

Подписано в печать 05.02.2018. Формат 75 × 100/32.
Бумага газетная. Гарнитура “Журнальная”.
Печать офсетная. Усл. печ. л. 22,77.
Доп. тираж 7000 экз. В-NUP-19037-06-R. Заказ №

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО “ИПК Парето-Принт”. 170546, Тверская область,
Промышленная зона Боровлево-1, комплекс № 3А
www.pareto-print.ru